

УДК 930.1

**ПРОБЛЕМА МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ
И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ
В ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Н.И. КАРЕЕВА**

© 2013 г.

Г.П. Мягков¹, В.А. Филимонов²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет

²Сыктывкарский госуниверситет

gmyagkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 9.07.2013

Анализируются взгляды выдающегося русского ученого-гуманитария Н.И. Кареева (1850–1931), в своем творчестве предвосхитившего пути развития мировой исторической и политической мысли XX и XXI вв., на политическую власть и её организацию в древних обществах. Показаны эвристические возможности применявшихся Н.И. Кареевым структурно-функционального, сравнительно-исторического и типологического методов к исследованию монархий древнего Востока (Египта, Ассирии, Персии и др.), эллинистического и римского миров, позволивших историку вскрыть своеобразие форм древневосточной государственности, предложить свой взгляд на сущность монархии Александра Македонского, проследить воздействие «эллино-ориентального» элемента на создание универсальной римской монархии, на генезис императорской власти.

Ключевые слова: историческая политология, монархии древнего Востока, монархия Александра Македонского, эллинизм, эллинистические государства, Римская империя, императорская власть, принципат.

Значительные перемены, произошедшие в современной исторической науке, подтверждают тезис, что «каждая основательно развитая и методологически обоснованная точка зрения заслуживает уважения» [1]. Активное изучение творчества выдающегося российского историка и мыслителя Н.И. Кареева, развернувшееся на рубеже XX–XXI вв., заступало дорогу тенденции радикальной модернизации российской исторической науки за счет разрыва с прошлым, способствовало преодолению нигилизма в отношении методологических идей предшественников и служит поиску синтезирующего варианта методологии. Высоко оценивая опыты «кареевских синтезов», надо обратить внимание на то, что ученый, предвосхищая исследовательские практики постнеклассического этапа развития науки, изучал историю в различных «измерениях» и «уровнях» (история страны, региона, всемирной истории), не только строго реализовал присущие исторической науке принципы, прежде всего историзма, но и, вступая на стезю междисциплинарного синтеза, обращался к методам, выдвигаемым формировавшимся, в том числе усилиями самого Кареева, во второй половине XIX века такими социальными науками, как социология, психология (социальная психология) и политология. Следует уточнить: Н.И. Кареев стоял и у истоков *исто-*

рической социологии, исторической психологии, исторической политологии.

К разделу последней относится изучение проблемы политической власти и её организации в древних обществах. Не будучи специалистом по истории древних обществ в узком смысле слова, ученый уделил значительное внимание истории древнего Востока [2] и истории античности [3], понимая их роль «как совершенно равноправных», наряду со средневековой и новой историей, звеньев всемирной истории [4, с. 49], к воссозданию синтезной картины которой он стремился. Очевидно, что и при обращении к древней истории срабатывала отмеченная П.Н. Милюковым черта творчества Кареева: не бояться устанавливать связь науки и политики [5, с. 2].

Реализуя при изучении политической истории древних обществ метод структурно-функционального анализа, Н.И. Кареев выяснял, какие функции выполняли те или иные институты, общественные структуры, как происходило их взаимовлияние. В трудах по древней истории он в поле внимания держал проблемы, связанные с политическими процессами, в том числе: история возникновения, формирования и эволюция государства, власть и общество, государство и права личности, анализ различных форм правления («политических форм»), их

типология: роль различных акторов и условий – «географических (топографических), антропологических (этнических) и собственно исторических (культурных и прагматических)» [4, с. 66], – как на «общий ход истории каждой страны», на каждый народ, взятый «в этнографическом и политическом смысле», так и на «интернациональные системы», создаваемые взаимодействием различных государств [4, с. 278–279]. В «политологических» сочинениях, посвященных монархиям древнего Востока, греко-римского мира, античным городам-государствам [5; 6], а также в реализующих «всемирно-историческую точку зрения», но имеющих «исторический характер» книгах [4; 7] Н.И. Кареев настойчиво, хотя и не всегда явно, искал ответы на волнующие его современников вопросы, и ему вполне удалось обосновать преимущества самоуправляющейся полисной политической структуры по сравнению с абсолютной монархией, восточным деспотизмом.

Наиболее общие представления об истории человечества и, в частности, о древнем мире (Востоке и античном мире) изложены Кареевым в работе «Главные обобщения всемирной истории». В главе, названной довольно характерно: «Развитие общественной культуры», Кареев, описывая процесс возникновения государства, отметил, что первыми их формами («первоначальными государствами») были государства-города (на Востоке пример их он нашел у финикийцев); затем эти города, в борьбе между собой, объединяются в большие монархии, такие как Египетская или Вавилонская [7, с. 71–72]. Предельный фазис – образование из подобных государств (Кареев назвал их национальными) мировых империй, типа ассирийской. Историк пришел к выводу, что «великие монархии Востока были деспотиями и каждый подданный был только бесправным рабом своего владыки» [7, с. 90].

В предназначенной для коллег-историков книге «Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох» [4] Кареев первую эпоху «древнейших восточных цивилизаций» связал с тремя подразделениями, «триада отдельными историческими мирами» [4, с. 24]: *первый мир* – это Китай (на востоке Азии), *второй мир* – это Индия (на юге Азии) и, наконец, *третий мир* – юго-западная Азия (с Египтом). «Последний и есть Древний Восток в более тесном смысле, где возникли самые ранние цивилизации и началась всемирная история». Первые два «мира» «не вышли из замкнутых границ, и в их пределах развились и установились

две цивилизации, из которых каждая была продуктом, главным образом, одной расы». Третий «мир» – «ближайший к нам Восток» – дал больше всех «...крупных перемен, имевших влияние на судьбу многих народов»: «здесь происходило смешение и, так сказать, наслоение многих рас, оставлявших разные следы на истории этого мира» [4, с. 24]. Интенсивность и уровень взаимодействия народов положен Кареевым в основу периодизации древней истории: *первый период* начат вторжением египтян в Сирию (XVIII династия) и завершен падением Ассирии в VII в. до н.э. [4, с. 27–28]; *второй период* определен от падения Ассирии до начала македонских завоеваний на Востоке [4, с. 28–29]; *третий* – совпал со временем подчинения Ближнего и Среднего Востока грекам и римлянам [4, с. 28–30].

Социально-политическое развитие стран Древнего Востока, по Н.И. Карееву, связывалось не только с географической средой и с земледелием, но и с **характером возникающего государства и общества**. В «Общем ходе всемирной истории», как и ранее, восточные государства названы деспотическими. В них «*все более и более развивались произвол власти и правителей и инстинкт повиновения в подданных, поглощение личности государством и ослабление личной инициативы...*» [4, с. 40].

Феномену так называемых универсальных монархий древности – от Египта XVIII династии до Римской империи – Н.И. Кареев посвятил вторую книгу своих знаменитых типологических курсов «Монархии древнего Востока и греко-римского мира» [8]. Их эволюция выглядит так. Начало политической консолидации на Востоке – это мелкое государство, центром которого был город с храмом. Примеры Кареев нашел в Шумере, «где существовало несколько таких городских государств, находившихся под властью своих князей (*namesu*), постоянно воевавших между собой. Когда один из таких князей подчинил себе других, он делался их общим начальником, царем, а они – его вассалами, и с этого начиналась политическая интеграция, образование более обширных царств» [8, с. 24]. То же самое происходило и в Сирии, и в Израиле, и в Египте. Механизм такого процесса образования из мелких государств крупной монархии Н.И. Кареев проследил на примере Израиля [8, с. 34–35]. Параллели этому процессу Кареев обнаружил у мидян [8, с. 35]. Фактором консолидации он также считает храмы, сообщавшие городам функцию религиозных центров [8, с. 38].

Дальнейший анализ Н.И. Кареева структурно четок и отражает его точку зрения на историю египетской (гл. V), ассиро-вавилонской (гл. VI), персидской (гл. IX) государственности и на роль различного рода взаимодействий – культурных, военных (гл. VII, VIII). Характеристика Египта дана по ряду параметров, но в первую очередь обращено внимание на огромную продолжительность древнеегипетской истории – не менее 2600 лет [8, с. 58–59]. Образ египетской государственности [8, с. 60] связан с организующей её центральной властью фараонов, их «громadным придворным штатом», гвардией, с поклонением подданных. Историк подчеркивал, что «египетский фараон был не только высшим жрецом-богом, но именно и верховным правителем государства...»: он – «земной бог» – «единственный собственник всей почвы» [8, с. 61]; огромное влияние сословия жрецов базировалось на том, что кроме «полей фараона», были храмовые земли. Н.И. Кареев обращал внимание на особенности египетского оросительного земледелия, требовавшего централизации власти, что в огромной степени повышало роль фараона. «На той же почве, – продолжал Н.И. Кареев, – возникло в Египте и закрепление населения государству» [8, с. 64]. В итоге историк так определил Древний Египет: «В общем Египет был все-таки единой абсолютной монархией, в которой власть царя-бога опиралась на двойную, то есть и на чиновничью, и на жреческую иерархию при полном бесправии закрепощенной массы» [8, с. 66].

Характеризуя ассиро-вавилонскую государственность, Н.И. Кареев начинает с истории Шумера. В целом, Вавилон представлен как «первый город поистине со всемирно-историческим значением» [8, с. 70], благодаря своему многочисленному населению, богатству и высокому техническому, промышленному, торговому и культурному развитию.

Говоря об Ассирии, Кареев усматривает в сравнении с Вавилоном разницу в том, что в последнем «...вся культура имела больше жреческий характер, в Ассирии – больше военный» [8, с. 72]. Отсюда и вся структура общественно-политического строя Ассирии: «Опираясь на военную силу, ассирийский царь был полновластным владыкою государства. И родовая, и служилая знать находилась в полном его подчинении... Царь был центром всей государственной жизни Ассирии» [8, с. 79].

Наконец, рассматривая формирование и начало истории Персидской державы, Н.И. Кареев находит важное определение природы этой державы в том, что «...у персов не было нацио-

нальной исключительности, – черта, которая объясняется очень просто тем, что они не успели выработать своей собственной культуры к тому времени, когда историческая судьба поставила их во главе обширной державы» [8, с. 116]. Другое качество персов – веротерпимость и умение располагать к себе другие народы [8, с. 117].

Рассмотрев организацию власти в Персидской державе, Н.И. Кареев приходит к выводу, что она была «первою во всемирной истории попыткою управления из одного центра такую пеструю массу разных народов» [5, с. 121]. Причины непрочности Персидской державы Н.И. Кареев видит в следующем: «Персы были бессильны дать подвластным народам свою культуру и при её посредстве их объединить, как сделал это впоследствии Рим, ибо у персов не было ничего своего, а, с другой стороны, персидские цари не могли отрешиться от местной и национальной подкладки своей власти, чтобы перестать быть представителями своего народа и возвысить идею всемирной монархии на высоту идеи совершенно универсальной. В этом и заключалась одна из причин местного сепаратизма, в котором некоторые мятежные страны находили поддержку своим замыслам» [8, с. 121].

Своеобразие политического развития Востока, форм древневосточной государственности Кареев находит, обращаясь к сравнительному анализу с Грецией и Римом: «В более или менее обширных монархиях Древнего Востока мы не найдем ни этой быстроты, ни этой полноты внутреннего развития и менее всего найдем свободы – в смысле ли свободы политической или индивидуальной. Историческое значение этих царств было иное. Греческая нация, состоявшая из целых сотен государств-городов, родилась и умерла разделенною, и все попытки её политического объединения оканчивались неудачами. Культурные страны Древнего Востока начали свою историческую жизнь тоже с разделения между множеством государственных центров, но дальнейшее развитие их шло по иному пути, по пути постепенной интеграции, во-первых, в пределах одной и той же национальности, во-вторых, далеко за пределами отдельных народностей, на широкой арене всего исторического мира. Результатом этого общего явления стало образование так называемых всемирных, или универсальных, монархий, в которых совершалось политическое объединение разных национальностей под единою государственною властью» [8, с. 4].

Рассмотрев генезис и эволюцию великих монархий древнего Востока (Египта, Ассирии, Персии), Н.И. Кареев переходит к анализу аналогичного феномена (монархий) в греко-римском мире, сознательно нарушая при этом общепринятый порядок перехода от истории Востока к истории Греции: «Раз мы следим за исторической последовательностью отдельных больших государств древнего мира, мы должны видеть прямое продолжение истории Персидской монархии в державе Александра Македонского как непосредственного преемника последнего персидского царя Дария Кодомана» [8, с. 125]. При этом о государствах диадохов, по мысли Кареева, представляли собой как бы восстановленные древневосточные царства (Египет, Вавилония, Сирия), поглощенные в свое время Персидской державой, с той лишь разницей, что здесь «господствующим элементом был греческий» [8, с. 126].

«Для выяснения сущности института, – писал Кареев, – необходимо знать его генезис и эволюцию» [9, с. 520]. Понятно, что позиция немецкого историка И. Дройзена, который «связывал наступление эпохи эллинизма не с предшествующим социально-экономическим и политическим развитием Эллады и стран Востока, а исключительно с деятельностью одного человека – Александра» [10, с. 71], для историка неприемлема, ибо, считает он, проникновение греков на Восток началось задолго до похода македонского царя, при этом оно носило характер мирной инфильтрации. Кареев считал, что греческая иммиграция детерминирована рядом факторов экономического и политического свойства. В их число он включал традиционные для Греции колонизационные процессы; падение зарплат в Балканской Греции из-за неконкурентоспособности крестьянского труда по сравнению с рабским; внутреннюю политическую и социальную борьбу, когда побежденные были вынуждены покинуть родину. С этого же времени берет начало культурное взаимодействие античных и восточных народов, а завоевания Александра Македонского, по мнению ученого, лишь интенсифицировали этот процесс. На Восток стали распространяться не только греческое политическое владычество, но и греческий язык, а с ним – и греческая образованность. В качестве предпосылок восточных походов Кареев указывал на внутреннюю слабость Персии, которую не могли не видеть находившиеся на ахеменидской службе греческие военачальники и особенно обнаружившаяся во время восстания Кира Младшего и за-

вершившегося Анталкидовым миром нашествия Агесилая, а также рост монархических и панэллинских настроений, ставших идеологическим обоснованием греческой экспансии [ср.: 11, с. 340].

Рассуждая о характере македонской державы, Кареев выразил отрицательное отношение к традиционному (восходящему еще к Дройзену) культуртрегерскому взгляду на Александра Македонского как на распространителя греческой культуры в Азии и охарактеризовал его как в большей степени наследника персидских царей, нежели как носителя греческих традиций. Исходя из тезиса, что власть македонского завоевателя включала в себя и восточный, и греческий элементы, историк полагал, что здесь налицо преобладание первого, так как «его [Александра Македонского. – Г.М., В.Ф.] деятельность как устроителя государства, основателя городов... является лишь повторением того, что и раньше делали повелители восточных стран... Александр быстро ориентализировался, т.е. подвергся влиянию восточных нравов» [8, с. 138]. Хотя тут же Кареев добавил, что «по происхождению и воспитанию он был все-таки грек» [8, с. 139], то есть был носителем общегреческой идеи свободы, несовместимой с любой формой единовластия, идеи государства как общего достояния, как организации людского общежития для общего благополучия. Но, мы знаем, к IV в. до н.э. в политической мысли греков уже обнаруживаются другие тенденции. Автор «Монархий...» имел в виду поворот общественного мнения в пользу монархии: «Ксенофонт создал идеальный образ государя [в «Киропедии». – Г.М., В.Ф.], ...Исократ стоял за монархию, а Аристотель считал, что она [монархия. – Г.М., В.Ф.] могла бы быть наилучшей формой правления в руках идеального государя» [8, с. 142]. Какие же идеи легли в основание монархии Александра? Те принципы, которые уже были осуществлены в Персидском царстве, или идеалы, выросшие «на общей почве свободного политического развития и широкой умственной деятельности греков в VI–IV вв. до нашей эры» [8, с. 144]? Для ответа на вопрос Кареев анализирует выработанные исторической наукой его времени представления о личности и исторической роли македонского завоевателя. При этом историк реализует в историографической практике сформулированные им ранее теоретические постулаты о роли личности в истории [см.: 12]. Кареев напомнил о существовании двух диаметрально противоположных взглядов на великих людей в истории (они, по его мысли, нашли наиболее резкое свое выражение в книге Т. Карлейля «Герои и героическое в истории»

[см.: 13] и в историко-философских рассуждениях Л.Н. Толстого в «Войне и мире» [см.: 14, с. 227–269]), когда они (великие люди) в истории – «все и именно они одни» или, наоборот, «ничто, как одни нули или простые ярлыки исторических событий» [8, с. 146]. Так, идеализированное представление о личности Александра (восходящее к апологетической оценке у Арриана) Кареев нашел у Т.Н. Грановского, И.Г. Дройзена, В. Уилера [см.: 15; 16; 17]. Напротив, характер и деяния македонского завоевателя подвергаются «строгому суду» [7, с. 147] у Б.Г. Нибура [см.: 18], Дж. Грота [см.: 18; 19] и особенно К.Ю. Белоха, считавшего, что «Александр Македонский не был ни великим государственным деятелем, ни великим полководцем» [20, с. 283; подробнее об оценке К.Ю. Белохом личности Александра Македонского см.: 10, с. 80–84]. Позиция Кареева – в синтезе выработанных представлений. «Никакие “великие личности”, – писал он, – не могут быть “всеми”... но тоже не могут быть так-таки и “ничем”... Каждый из участников того или другого события всегда есть в этом событии “нечто” и, конечно, “нечто”, далеко не одинакового значения» [8, с. 146].

Этим обстоятельством историк объясняет существующую в литературе разницу оценок намерений и результатов деятельности Александра. То, что главный из этих результатов – распространение греческого влияния на Восток, у Кареева не вызывает сомнений, но он считает рискованным заключение о том, что итоги «все-го свершившегося в общем ходе цивилизации и было лишь осуществлением сознательного намерения, с каким Александр предпринял свои завоевания, или что Александр был единственным виновником победы греческой культуры над восточными» [8, с. 148]. По мнению Кареева, монархию Александра Македонского и государства диадохов нельзя однозначно рассматривать только как греческие или восточные; «это было время, когда греческая культура получает универсальное, мировое значение вышедшей далеко за пределы породившей его национальности и когда поэтому слово “эллин”, – писал он, ссылаясь на Исократ, – стало до известной степени обозначать только принадлежность к греческой культуре, а не греческое происхождение» [8, с. 158, имея в виду *Isocr. Paneg. 50*].

Таким образом, по мнению историка, разрушение греческого партикуляризма привело в эллинистических царствах к смешению народов и взаимодействию культур на греческой основе. Поэтому для Кареева сущность эллинизма заключалась не в факте распространения и гос-

подства греческого языка, «но в общем содержании духовной культуры» [8, с. 158].

Коль скоро Рим, постепенно покоривший эллинистические государства, во многом унаследовал эту общую культуру, то между эллинистической и римской историей была определенная преемственность. Отсюда Кареев выводит собственную дефиницию эллинизма, который «есть не что иное, как совокупность всех элементов античной культуры, которые имеют греческое происхождение, перешли от греков к народам Востока и *Zanada* [выделено нами. – Г.М., В.Ф.] и сошли с мировой арены лишь с торжеством христианства» [8, с. 159, подробную сводку различных толкований содержания термина «эллинизм» в исторической литературе см.: 21, с. 4–26]. Как мы видим, его мнение расходится с мыслью Дройзена, который, игнорируя соучастие восточного компонента в эллинистической действительности, связывал эллинизм исключительно с распространением греческого господства и образованности среди народов Востока. Принимая в целом синтезную точку зрения Ю. Керста [см.: 22], бывшего, по словам В.Д. Жигунина, «одним из первых, кто пошел против, казалось бы, общепринятых взглядов и признал, что в эллинистическом государстве и культуре находили свое место компоненты как греческие, так и восточные» [23, с. 38], Кареев, таким образом, распространял греческое влияние не только на Восток, но и на Запад, придавая ему всеохватывающий, всемирный характер (в географических рамках тогдашнего «мира»).

Исходя из вышеназванных причин, Кареев еще раз отступил от привычного построения древней истории, взглянув на Римскую империю как на «преемницу и продолжательницу того, что начато было Ассирией, подхвачено Персией и доведено до известного пункта эллинистической монархией Александра и его преемников» [8, с. 374]. Процесс создания универсальной монархии с центром в Риме Кареев связал с началом контактов римлян с азиатским и греческим Востоком в колонизованной греками Южной Италии; с образованием союзного римско-италийского государства и, наконец, выходом Рима на широкую международную арену во время и по завершении Пунических и Македонских войн. После установления римского владычества в западном и восточном Средиземноморье практически вся ойкумена оказалась объединенной в одно большое государство. Отсюда оставалось сделать всего шаг к созданию универсальной монархии, подобной восточным и эллинистическим, и этот шаг был сделан.

Прслеживая воздействие эллинистического элемента на генезис римской императорской власти, Кареев считал его сходным с проникновением греческой образованности на Восток. Во-первых, это влияние культурное: историк указал на подражательный характер ранней римской литературы, греческое образование в высших слоях римского общества, несамоостоятельность римской философии и зависимость её от греческой, и даже в той области, где римляне проявили свою самобытность, – юриспруденции (Кареев отметил обращение римских юристов к методам исследования и этическим принципам, выработанным мыслителями Эллады).

Во-вторых, это воздействие в области жизненной практики, т.е. «в области вопросов, касающихся общества и государства» [8, с. 218]. Называя оптиматов и популяров, если не вполне, то в известной степени сторонниками соответственно национальной самобытности и греческих нравов и идей, Кареев считал эллинское культурное влияние главной идейной основой гракханского движения, обращал внимание на примеры из греческой истории, вставляемые Дионисием Галикарнасским в речи римских государственных деятелей, приводит мнение Цицерона о том, что римские демагоги, выступая в комициях, действовали как *Graecus apud Graecos*, и, наконец, оценивая деятельность Цезаря, называет последнего создателем режима, сочетавшего принцип народовластия с единоличным правлением.

Однако Рим пошел по пути не демократического, а монархического развития. Кареев тонко подметил, что вопрос об эллинистическом влиянии на происхождение римской императорской власти «в настоящее время особенно занимает историков» [8, с. 220]. Анализируя воззрения Т. Моммзена, Э. Мейера, Э.Д. Гримма, М.И. Ростовцева, он особо отмечает позицию Ю. Керста, считавшего, что «в качестве наследника эллинизма, не только в культурном, но также и в политическом отношении, выступило римское императорство и римская империя» [24, S. 80], и указывавшего при этом на сочетание в римском императорстве двух элементов – собственно римского (принципат) и «эллино-ориентального» (монархия деспотического типа). Кареев, соглашаясь в целом с точкой зрения немецкого историка, добавляет, что «принципат сложился из соединения в руках одного лица разных республиканских должностей и магистратур и раздельно раньше существовавших империи и трибунской власти». Но вместе с тем, – продолжает автор «Монархий...», –

«принцепс, этот *de facto* государь, хотя *de jure* лишь высший магистрат, был и единоличным правителем громадной мировой державы, которая имела полное право смотреть на себя как на наследницу всемирной монархии Александра Македонского», в чем, по мнению ученого, и заключается эллинистический источник римской императорской власти, происхождение которого менее уловимо, чем первого, тем более что и «вопрос о нем менее разработан в исторической науке» [8, с. 220–221]. Подобная трудность, считает Кареев, объясняется тем, что монархическая сущность принципата искусно маскировалась Августом введением в управление государством своего рода двоевластия (в терминологии Моммзена – диархии). Именно эта маскировка ввела в заблуждение многих историков (тех же Моммзена, Ростовцева), не решавшихся видеть в принципате абсолютную монархию, хотя показанный Тацитом и Светонием фактический деспотизм преемников Августа снимал юридические тонкости и позволял «воочию видеть перед собою лишь простое повторение сцен восточного деспотизма, возобновление традиций птолемеевского Египта или селевкидовской Сирии и еще более старых восточных царств» [8, с. 226]. Доказательством этого тезиса для историка является процесс постепенного устранения римского элемента (принципата) из императорской власти, нашедший окончательное завершение при Диоклетиане и Константине Великом, когда «власть государя не только *de facto*, но и *de jure* сделалась неограниченной...» [8, с. 237], то есть одновременно эллинизировалась и ориентализировалась.

Таким образом, следует признать многогранность и сложность кареевского политико-исторического дискурса. При изучении древних монархий историк выступает как оригинальный исследователь, выработавший собственные, историософские подходы, сумевший на основе имеющегося историографического материала подвести итог всему в нем сказанному, указать на достоинства и недостатки каждого из ответов на поставленные вопросы и, в свою очередь, дать собственное решение проблемы, которое могло бы совместить в себе достоинства более ранних подходов и избежать их недостатков.

Список литературы

1. Кухенбух Л. «Феодализм»: о стратегиях употребления одного неудобного понятия // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/ku4.html>

2. Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Древний Восток в историософской концепции Н.И. Кареева // МННМА. Сборник научных трудов, посвященных памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002. С. 24–44.
3. Филимонов В.А. Н.И. Кареев: античность сквозь призму политики // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 20. М.: Изд-во ЛКМ, 2007. С. 337–352.
4. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. IV + 5 + 303 с.
5. Милуков П.Н. Памяти Н.И. Кареева // Последние новости. Париж, 1931. 22 февраля.
6. Кареев Н.И. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. X + 348 с.
7. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. Учебное пособие для среднего образования. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. XXVI + 148 с.
8. Кареев Н.И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. Опыт политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. VIII + 395 с.
9. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Гантовер Л.В. О происхождении и сущности вечно-чиншевого владения. СПб., 1884. Вып. 1 // Юридический вестник. 1884. № 3. С. 520–526.
10. Талашова Н.С. Вопросы истории эллинизма в германском буржуазном антиковедении второй половины XIX – начала XX в. [1975] // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. Т. I. Проблемы истории и историографии античности / Сост. В.Д. Жигунин, Г.П. Мягков, Н.О. Талашов; Вступ. ст., науч. ред. проф. В.Д. Жигунин, проф. Г.П. Мягков. Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 59–95.
11. Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. [1896]. СПб.: Алетей, 1999. 470 с.
12. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 628 с.
13. Кареев Н.И. Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. Пг.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1923. 268 с.
14. Кареев Н.И. Историческая философия в «Войне и мире» // Вестник Европы. 1887. № 7. С. 227–269.
15. Кареев Н.И. Историческое мировоззрение Грановского. Речь на торжественном акте императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1896 г. // Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1895 год. СПб.: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1896. С. 1–72.
16. Droysen J.G. Geschichte des Hellenismus. Bd. I–III. 2 Aufl. Gotha, 1877–1878. Bd. I. X, 400, VIII, 420 S.
17. Уилер В. Александр Великий: Ил. ист. монография. СПб.: ред. «Нового журн. иностр. лит-ры», 1900. 175 с.
18. Niebuhr B.G. Vorträge über römische Geschichte an der Universität zu Bonn gehalten. B., 1851. Bd. III.
19. Grot G. History of Greece. Vol. I–XII. L., 1846–1856.
20. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Beloch J. Griechische Geschichte. III Bd. Strassburg. 1904 // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. СПб., 1904. Т. I. Вып. 3–4. С. 282–283.
21. Жигунин В.Д. Эллинизм и общие проблемы древней истории // Античный вестник. Омск, 1999. Вып. IV–V. С. 4–25.
22. Kaerst J. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Leipzig, 1901. Bd. 1.
23. Жигунин В.Д. Древность и её место в историческом процессе. (Пять лекций в Самаре). Самара, 1996. 69 с.
24. Kaerst J. Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Alterthum. Leipzig: Physical Description, 1898. 109 S.

**THE PROBLEM OF THE MONARCHICAL POWER AND ITS ORGANIZATION
IN ANCIENT SOCIETIES IN THE POLITICO-HISTORICAL DISCOURSE OF N.I. KAREEV**

G.P. Miagkov, V.A. Filimonov

This article analyzes the views of N.I. Kareev (1850–1931), a prominent Russian scientist and humanist, regarding political power and its organization in ancient societies. In his work, N.I. Kareev anticipated the development of world history and political thought of the 20th and 21st centuries. We show the heuristic potential of structural-functional, comparative-historical and typological methods applied by N.I. Kareev to the study of the monarchies of the ancient Orient (Egypt, Assyria, Persia, etc.) and of the Hellenistic and Roman worlds. Using these methods, the historian has revealed the originality of the forms of statehood in the ancient Orient, offered his views on the nature of Alexander the Great's monarchy, traced the impact of the «Hellenic-Oriental» element on the creation of the universal Roman monarchy and on the genesis of the imperial power.

Keywords: historical political science, monarchies of the ancient Orient, Alexander the Great's monarchy, Hellenism, Hellenistic kingdoms, Roman Empire, imperial power, Principate.